

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К МАТЕРИНСТВУ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

А. С. Демина

PSYCHOLOGICAL READINESS FOR MOTHERHOOD AT EARLY ADULTHOOD

A. S. Demina

В статье рассмотрены вопросы психологической готовности к материнству, ее структуры и онтогенетического развития. Описаны результаты исследования психологической готовности к материнству в период ранней взрослости. Предпринята попытка проанализировать, каким образом уровень психологической готовности к материнству взаимосвязан с родительскими установками и стилем воспитания.

The paper addresses the issues of psychological readiness for motherhood, its structure and its ontogenetic development. The results of studying psychological readiness for motherhood at early adulthood are described. An attempt to analyze how the level of psychological readiness for motherhood correlates with parental role and parenting style was made.

Ключевые слова: материнство, готовность к материнству, материнская роль, родительские установки.

Keywords: motherhood, readiness for motherhood, maternal role, parental attitude.

В последнее время интерес многих исследователей обращен к проблемам современной семьи. Изменения репродуктивного поведения, в том числе снижение рождаемости, трансформация родительских установок и позиций, стиля воспитания имеют значение не только в рамках одной конкретной семьи, но и в масштабах всего государства. В современной демографической политике по большей мере сделана ставка на материальное поощрение рождаемости, повышение качества медицинского обслуживания и на материальную помощь родителям. Однако, как показывает опыт других стран, подобные меры не приносят ожидаемых результатов. Прежде всего, это связано с условиями современного постмодернистского общества, характеризующегося трансформацией ценностей [11]. По нашему мнению, при решении данной проблемы необходимо ориентироваться на изменение родительской культуры в целом, на качественное изменение родительства как социокультурного и психологического феномена.

Как отмечает Р. В. Овчарова, родители все больше нуждаются в помощи специалистов, причем консультации и рекомендации нужны не только родителям детей группы риска, они необходимы каждой семье на определенном этапе ее развития в силу ее внутренних потребностей и растущих требований общества к семье [4]. Так современное общество и наука подошли к понятию «воспитание родителей». Воспитание родителей – это международный термин, под которым понимается помощь родителям в исполнении ими функций воспитателей собственных детей, родительских функций. Именно родители способны обеспечить ребенку благополучие, всестороннее развитие, определить его отношение к обществу и культуре, в конце концов, дать ему адекватную модель родительства, которую он, в свою очередь, сможет реализовать в собственной семье [3]. В таком виде воспитание родителей должно составлять часть социальной политики современного общества. Ведь именно в семье растет каждый будущий представитель нового поколения. Так, можно утверждать, что будущее

общества определяется сегодняшним состоянием родительства [5].

Как существуют идеи пренатального воспитания детей, так существуют идеи и раннего сопровождения родительства, задолго до того, как на свет появится ребенок. Одним из таких вариантов воспитания родителей являются программы формирования психологической готовности к материнству (далее ПГкМ).

Период беременности – это своеобразный критический момент в жизни женщины. Женщина встречается с серьезными изменениями в своем биологическом, социальном и психологическом статусе. По сложности и противоречивости внутренних преобразований личности период беременности схож с периодом отрочества, когда работа над созданием себя становится подлинным творчеством [1]. Происходит перестройка мотивационной системы, сознание и самосознание женщины претерпевает серьезные изменения, изменяются представления женщины о себе (физическом, социальном, рефлексивном), отношении к себе. Женщина «формируется как мать». Но на фоне кризиса современной семьи это формирование достаточно затруднено. Подобная ситуация характеризуется исследователями как «потеря пути к модели материнства» (Д. В. Винникотт, Р. Зидер, М. Мид, Г. Г. Филиппова, Э. Эриксон). Усугубляет положение разрыв межпоколенных связей, потеря традиционных способов передачи опыта и оформления материнского взаимодействия. Наряду с мотивационной «неготовностью» женщина на пороге материнства оказывается неосведомленной об элементарных особенностях развития ребенка, основных функциях ухода за ним и общения. Так, беременность может стать психотравмирующим фактором. С другой стороны, беременность является уникальной возможностью для личностного роста женщины. Именно поэтому особую значимость приобретает психологическое сопровождение беременности.

Согласно исследованиям С. Ю. Мещеряковой только 27 % женщин имеют высокий уровень ПГкМ, 23 % имеют низкий уровень готовности и у 50 % женщин выявлены противоречивые установки на вос-

питание и в целом по отношению к материнству. Мецераковой также была выявлена взаимосвязь между уровнем ПГкМ и типом материнского поведения [2; 4]. В свою очередь тип материнского поведения определяет характер психического развития ребенка. Ввиду этого мы считаем, что исследование психологической готовности к материнству является темой актуальной и практически значимой. Одновременно с этим при анализе существующих методических средств исследования ПГкМ мы столкнулись с некоторыми затруднениями, такими как довольно ограниченное количество методик и преобладание среди них методик проективного характера. Для исследования психологической готовности к материнству с помощью опросного метода нами была разработана анкета на основе модели материнства Г. Г. Филипповой, которую мы берем за основу своего исследования.

В концепции Г. Г. Филипповой материнство представлено как потребностно-мотивационная сфера личности женщины, имеющая фило- и онтогенетическую историю и ориентированную на задачи рождения и воспитания ребенка. При описании материнства Филиппова использует понятия структура и онтогенез потребностно-мотивационной сферы личности женщины [7; 8]. В структуре материнской потребностно-мотивационной сферы выделяются следующие блоки:

1. Потребностно-эмоциональный блок включает в себя все потребности матери, эмоциональное отношение к ребенку, себе и материнству.

2. Операциональный блок – включает операции ухода и кормления, операции общения, эмоциональное сопровождение операций ухода и взаимодействия.

3. Ценностно-смысловой блок – включает в себя ценность ребенка и ценность материнства.

К моменту рождения ребенка у матери есть некоторый «стартовый уровень» содержания всех блоков материнской сферы, обусловленный историей ее развития. Анализ развития материнской сферы также важен, как и анализ ее содержания. Разработанная нами анкета содержит вопросы, выясняющие как актуальное содержание материнской сферы, так и особенности ее формирования в онтогенезе. Можно выделить шесть этапов развития материнской потребностно-мотивационной сферы в онтогенезе. Все эти этапы имеют разные возрастные границы и разную роль в возникновении и развитии содержания всех блоков материнской потребностно-мотивационной сферы:

1. Взаимодействие с собственной матерью – наиболее важным является возрастной период до трех лет. На этом этапе происходит освоение эмоционального значения ситуации материнско-детского взаимодействия, а также возникновение эмоциональной реакции на некоторые ключевые стимулы гештальта младенчества и некоторые элементы операционального состава материнской сферы (babytalk, мимические реакции, эмоциональная окраска движений при взаимодействии с ребенком).

2. Игровой период – формирование и развитие в процессе сюжетно-ролевой игры с куклами, в дочки-матери, в семью основных компонентов материнской сферы.

3. Период нянчания – на этом этапе происходит формирование и развитие потребности в уходе и

заботе о ребенке, а также закладываются основы «потребности в материнстве», как потребности иметь специфические переживания, связанные с взаимодействием с младенцем. Этап нянчания имеет хорошо выраженные возрастные границы (с 5 – 6 лет до начала полового созревания), он включает опыт собственного взаимодействия с ребенком раннего возраста, наблюдение за взаимодействием взрослых с ребенком, восприятие и рефлексию отношения других людей и общества в целом к взрослому, выполняющим материнские функции. Это оказывает влияние на формирование всех компонентов материнской сферы и делает данный этап одним из ведущих (наравне с первым) в ее развитии.

4. Дифференциация мотивационных основ материнской и половой сфер – всубъективном опыте существует взаимное «перекрывание» некоторых ключевых стимулов (визуальных, слуховых, тактильных) в обеспечении мотивационных основ половой и материнской сфер поведения. Для материнской сферы у человека особое значение имеет объединение компонентов гештальта младенчества на ребенке – как объекте деятельности – до начала полового созревания. Это обеспечивает адекватное мотивационное значение ситуации взаимодействия с ребенком после родов.

5. Взаимодействие с собственным ребенком – этот этап включает несколько самостоятельных периодов: беременность, роды, послеродовой период, младенческий возраст ребенка и период перехода к следующему, 6-му этапу развития материнской сферы. Здесь важен анализ типа переживания беременности, стиль эмоционального сопровождения взаимодействия с ребенком.

6. Завершающий этап развития материнской сферы – образование у матери эмоциональной привязанности к ребенку, личностного принятия и личностного интереса к внутреннему субъективному миру ребенка и к его развитию и изменению [9].

Итак, для изучения психологической готовности к материнству нами используется разработанная анкета, содержащая в себе вопросы, раскрывающие как особенности каждого из компонентов материнской потребностно-мотивационной сферы, так и особенности ее формирования в онтогенезе. Так, в анкете представлены вопросы, направленные на выявление особенностей прохождения каждой из стадии онтогенетического развития материнской сферы, описанных выше. Кроме анкеты нами используется рисуночный тест «Я и мой ребенок», Методика изучения родительских установок PARI (Е. С. Шефер и Р. К. Белл), Методика неоконченных предложений.

На данном этапе исследования перед нами стояла задача выявить уровень психологической готовности к материнству и особенности формирования материнской сферы в период ранней взрослости. А также в своем исследовании мы решали задачу выявления особенностей родительских установок и их возможную взаимосвязь с уровнем готовности к материнству. Для решения данных задач нами обследовались 2 группы молодых женщин: не имеющие детей и женщины-матери с детьми в возрасте до 2 лет.

Ориентируясь на концепцию раннего сопровождения родительства (на этапе беременности и на этапе до беременности), мы считаем особенно актуальным выявление уровня ПГкМ у женщин, не имеющих детей, и сравнение его с уровнем ПГкМ женщин-матерей. Анализ особенностей материнской сферы женщин данных категорий может позволить разрабо-

тать адекватные техники формирования ПГкМ на этапе до беременности женщины.

При анализе данных анкет в соответствии с уровнем сформированности компонентов материнской сферы нами были выявлены уровни ПГкМ – высокий, средний и низкий. Процентная представленность этих уровней в исследуемых группах отображена на рис.1.

Рис. 1. Уровень психологической готовности к материнству

Из диаграммы видно, что исследуемые категории женщин принципиально не отличаются по уровню ПГкМ. В целом уровень ПГкМ в обеих группах отражает общую тенденцию, описанную С. Ю. Мещеряковой [4]. Учитывая то, что женщины находятся на разных этапах формирования материнства, справедливо было бы предположить наличие различий в уровне их ПГкМ. Так, женщины-матери, прошедшие этап беременности и находящиеся на заключительном этапе формирования материнской сферы, с большей вероятностью должны иметь более высокий уровень готовности к материнству. Данные исследования это предположение не подтверждают. Различия в показателях уровня готовности к материнству незначительны.

При анализе структуры материнской сферы нами с помощью анкеты выявлялся уровень сформированности потребностно-эмоционального, операционального и ценностно-смыслового блоков. Значимые различия между женщинами исследуемых групп были выявлены только по показателям ценностно-смыслового блока (рис. 2). Так, для женщин без детей ребенок и материнство имеют большую ценность, чем для женщин-матерей. Этот блок включает отношение

матери к ребенку как самостоятельной ценности и ценность материнства как состояния «быть матерью». Обе ценности связаны как с потребностями материнской сферы, так и с культурными моделями материнства и детства.

Поскольку ценностно-смысловой блок материнской сферы поведения в своем генезисе связан с общей структурой ценностно-смысловых ориентаций личности матери, то естественно, что ценности ребенка и материнства интерферируют с другими ценностями матери, и эта интерференция является динамичной, изменяющейся в процессе жизни матери и ее взаимодействия с ребенком. Наибольшим влиянием «внедряющихся» из других сфер поведения ценностей подвержена ценность ребенка. Так Г. Г. Филипповой были выделены типы ценности ребенка: эмоциональная (адекватная), повышено-эмоциональная (аффективная, с концентрацией на ребенке), замена самостоятельной ценности ребенка на ценности из социально-комфортной сферы (ребенок как средство для достижения других ценностей), полное отсутствие ценности ребенка [9].

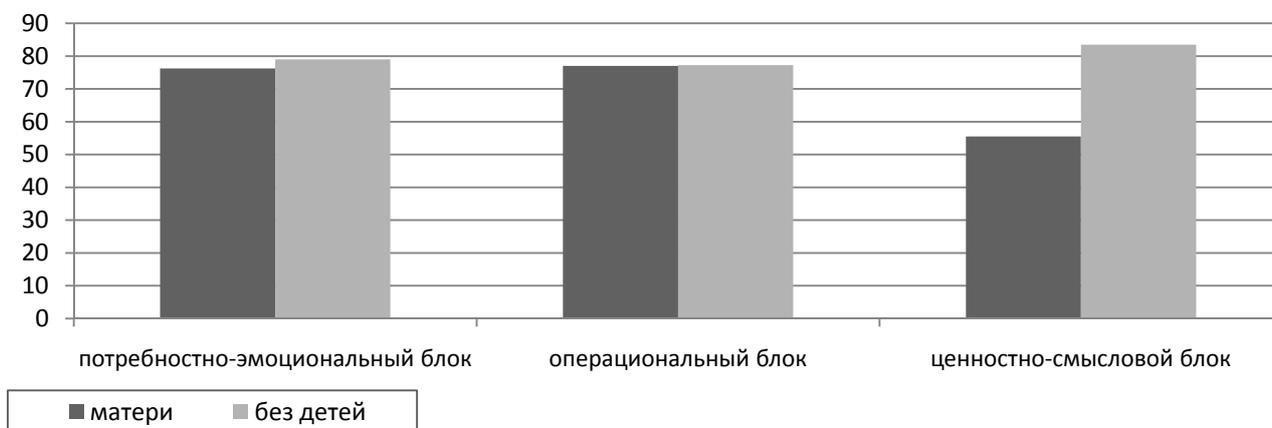

Рис. 2. Уровень сформированности структурных компонентов материнской потребностно-мотивационной сферы

Динамика интерференции «внедряющихся» ценностей и ценности ребенка основана на особенностях онтогенеза материнской сферы и конкретном содер-

жании взаимодействия матери и ребенка. В рамках этого исследования можно сделать предположение, что различия в ценности ребенка основаны на содер-

жании взаимодействия матери и ребенка. Это допущение сделано опорой на отсутствие различий в потребностно-эмоциональном и операциональном блоках материнской сферы женщин без детей и женщин-матерей, а также на принципиальном различии в онтогенезе материнства женщин данных категорий, а именно на отсутствии этапа реального взаимодействия с собственным ребенком у женщин без детей. Однако, это лишь допущение. Для получения достоверных выводов необходимо произвести дополнительные исследования типа ценности ребенка, мотивации рождения, так как анкетные данные в полной мере не могут раскрыть всех особенностей содержания ценностно-смыслового блока материнской сферы.

Кроме выявления уровневых характеристик нами проанализирована взаимосвязь показателей ПГкМ и родительских установок, выявленных с помощью методики PARI. Так, уровень ПГкМ положительно коррелирует с такими показателями методики, как *ощущение самопожертвования* (коэффициент корреляции $-0,72$), *семейные конфликты* ($-0,71$), *раздражительность* ($-0,62$), *сверхавторитет родителей* ($-0,67$), *доминирование матери* ($-0,7$). Большинство из выявленных взаимосвязей касаются неустановок по отношению к ребенку, а к установок по отношению к семейной роли. Так, чем ниже ПГкМ, тем более вероятны конфликты в семье, ощущение самопожертвования, доминирование матери и сверхавторитет родителей. Женщины с более низким уровнем готовности к материнству склонны воспринимать семейную жизнь в негативном контексте. Они также более склонны к выбору авторитарного типа взаимодействия, что соответствует транслируемым нормам предыдущего поколения, выросшего в советское время [10]. Женщина, доминирующая в семье, выстраивающая с ребенком отношения беспрекословного подчинения ей как авторитету, управляющая всем и контролирующая все, естественным образом может воспринимать свое положение как вынужденное в виду несамостоятельности мужа и детей. Появляется ощущение самопожертвования, семья в целом становится нестабильной, частыми становятся конфликты.

Возможно, данные взаимосвязи отражают в общем несформированность готовности к семейной жизни, к построению партнерских отношений с супругом и выбору адекватного стиля воспитания ребенка.

Литература

1. Копыл, О. А. Готовность к материнству: выделение факторов и условий психологического риска для будущего развития ребенка / О. А. Копыл, О. В. Баженова, Л. Л. Баз // Синапс. – 1994. – № 5.
2. Мещерякова, С. Ю. Изучение психологической готовности к материнству как фактора развития последующих взаимоотношений ребенка и матери / С. Ю. Мещерякова, Н. Н. Авдеева, Н. И. Ганошенко // Соросовские лауреаты. Философия. Психология. Социология. – М., 1996.
3. Морозова, И. С. Эмпирическое исследование структуры родительского отношения / И. С. Морозова, К. Н. Белогай // Психологическая наука и образование. – 2008. – № 4. – С. 12 – 23.
4. Овчарова, Р. В. Психология родительства: учеб. пособие / Р. В. Овчарова. – М.: Академия, 2005.
5. Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А. А. Реана. – М.: АСТ, 2010.
6. Скрицкая, Т. В. Материнство как социально обусловленный феномен / Т. В. Скрицкая // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово: ЮНИТИ, 2005. – № 2.
7. Филиппова, Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии / Г. Г. Филиппова // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 22 – 36.

Уровень ПГкМ также взаимосвязан с таким показателем, как раздражительность. Женщины с низким уровнем готовности более склонны к излишней эмоциональной дистанции во взаимодействии с ребенком.

Стоит отметить, что значимых корреляций с возрастом не было выявлено. Это позволяет утверждать, что выявленные взаимосвязи действительно в большей мере относятся к уровню психологической готовности к материнству.

Кроме значимых корреляций с уровнем ПГкМ были также выявлены корреляции с материнским статусом. По методике PARI у женщин без детей статистически значимо выше показатели по шкалам *«Ощущение самопожертвования»* и *«Ограниченность интересов женщины рамками семьи»*, т. е., не будучи в браке, женщины имеют определенное представление о семейной жизни и материнстве, которое связано в их сознании с зависимостью, подавлением, ограничением свободы, изнуряющим семейным бытом и отсутствием самореализации в других сферах жизни. В одном из своих исследований мы уже получали подобные данные. Данную закономерность мы связываем с существованием стереотипного представления о семейной жизни и материнстве, которое искажает восприятие и отношение к институту семьи и затрудняет самореализацию женщины в данной сфере [10, с. 32].

Подводя итог, можно сказать, что полученные данные оказались несколько отличными от наших представлений, основанных на теоретическом осмыслении проблемы. Так, уровень психологической готовности к материнству у женщин-матерей оказался аналогичным уровню готовности женщин без детей. Принципиальное отличие в содержании материнской сферы было выявлено только относительно ценностно-смыслового блока. Учитывая нахождение женщин данных категорий на разных стадиях онтогенеза материнской сферы, мы предполагали выявление более ярко выраженных отличий. Так как данное исследование является пилотажным, на следующем этапе исследования мы сможем проверить и расширить полученные данные за счет увеличения выборки и введения еще одной группы испытуемых – беременных женщин.

8. Филиппова, Г. Г. Материнство: сравнительно-психологический подход / Г. Г. Филиппова // Психологический журнал. – 1999. – № 5. – С. 81 – 88.
9. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: учебное пособие / Г. Г. Филиппова. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.
10. Черданцева, А. С. Специфика личностной ценности материнства в представлении матерей и женщин, не имеющих детей / А. С. Черданцева, Ю. В. Борисенко // Перинатальная психология и психология родительства. – 2010. – № 1.
11. Яницкий, М. С. Ценностно-смысловая парадигма как основа постнеклассической педагогической психологии / М. С. Яницкий, А. В. Серый, Ю. В. Пелех // Философия образования. – 2013. – № 1. – С. 175 – 186.

Информация об авторе:

Демина Анна Сергеевна – магистрант КемГУ, педагог-психолог ООО Детский центр раннего развития «Умка», 8 952 1728445, demina-anna-88@mail.ru.

Anna S. Demina – Master’s Degree student at Kemerovo State University, psychologist at “Umka” children’s center of early development.

Научный руководитель:

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ.

Irina S. Morozova – research advisor, Doctor of Psychology, Professor at the Department of General and Developmental Psychology, Kemerovo State University.